

Вторая сестра Пань Юйхуа, Пань Юй, в это время искала в толпе тень Хэ Сунбая.

Он был таким гордым человеком, а ее невестка облила его нечистотами! Он, должно быть, очень зол сейчас... Пань Юй не терпелось перенести на себя все, с чем столкнулся Хэ Сунбай. Девушке было стыдно, она чувствовала вину. Брат и невестка никогда не поймут, как ей был дорог Хэ Сунбай!

Сердце Пань Юй разгорелось, как от огня. Она не могла дождаться, когда найдет Хэ Сунбая и попросит у него прощения за поведение брата!

Вскоре Пань Юй встретила человека, которого искала, на пути к дому семьи Хэ.

Она быстро достала из сумки пузырек с лекарством и сказала шепотом:

— У бабушки Ли недавно опять болели ноги? Я слышала, как другие говорили, что если давать пожилым людям больше кальция, то их руки и ноги не будут так сильно болеть. Я сходила в аптеку и купила таблетки с кальцием. Отнеси и дай ей...

Ее слова заставили Хэ Сунбая вынырнуть из длительного размышления о том, что за ним «подглядывали в бане». Все его тело было слишком горячим. Он увидел таблетки с кальцием, которые передала Пань Юй, и не раздумывая отказался:

— Нет.

— У меня есть еще кое-что... — Пань Юй немного покраснела, а ее глаза наполнились слезами.
— Мне жаль! Мой брат не прав, что так с тобой обращается... они, они не понимают! Прошу прощения за них! Это я... я была слишком эгоистична!..

Хэ Сунбай, который уже собирался уходить, остановился.

Пань Юй ласково посмотрела на него, на его героические брови, набралась смелости и сказала:

— Я буду тебе женой.

Хэ Сунбай застыл, будто пораженный молнией.

Пань Юй использовала то небольшое мужество, которое осталось у юной девушки, чтобы сказать:

— Я не считаю твою семью бедной, и меня не волнует ваше происхождение. Если ты согласен,

найди сваху и поговори с моими родителями. Мне не нужны твои деньги на подарки, мне нужен только ты.

Хэ Сунбай побледнел, его тонкие губы сжались. Через некоторое время он произнес:

— Я не знаю, почему у тебя такие странные мысли, но лучше забудь о них, потому что это невозможно! — он сделал паузу и свирепо добавил: — В будущем не приходи ко мне.

Пань Юй осталась на месте в одиночестве и грустно заплакала.

Хэ Сунбай первоначально планировал пойти домой, но когда он уже собирался войти в дом, то вдруг изменил направление и пошел к капитану.

Семья Ли Дали собиралась обедать. Он увидел Хэ Сунбая и спросил:

— В чем дело?

Хэ Сунбай промолчал.

Ли Дали посмотрел на высокого худого юношу, стоявшего перед ним, и понял, что ему есть что сказать, но он не мог об этом говорить при всех. В глазах юноши читалось какое-то ожидание, он склонил голову и небрежно пнул камень. У Ли Дали сложилось впечатление о нем, как о жестоком и одиноком отсталом человеке.

Но сегодня капитан немного изменил свое мнение. Он увидел, что тот, хотя и был забрызган нечистотами, но продолжал делать обзор на свои ошибки, не меняясь в лице. Ли Дали быть готов проявить с ним больше терпения. Он сердечно улыбнулся и без колебаний похвалил Хэ Сунбая:

— То, что ты сказал сегодня на собрании, было действительно хорошо, даже процитировал слова председателя, как культурный человек! Мысль в твоём обзоре верная, и направление – тоже. Иди по тому пути, о котором ты сказал, не унывай! Продолжай работать!

После того, как Ли Дали закончил свою речь, Хэ Сунбай смущенно пробормотал:

— Ты можешь дать мне другую работу?

Его низкий голос был полон беспомощности. Ли Дали был ошеломлен, его глаза настороженно сузились.

Хэ Сунбай сделал паузу и с досадой объяснил:

— Мне поручили эту работу в коммуне с шестнадцати лет, и она не изменилась. За нее можно получить только пять баллов. Я единственный, кто этим занимается. Земля не очень хорошая, трудно носить воду, и работа утомительная. Но в конце года выдают совсем немного еды.

Очень часто взрослый человек упорно трудился ради пяти баллов работы. Если ты не можешь выполнить пять пунктов работы, значит, не достоин более тяжелого труда. Но пятибалльная работа на поле пятого класса, которую выполнял Хэ Сунбай, – это совсем другое. Были рисовые поля первого класса, рисовые поля второго класса, засушливые поля третьего класса, четвертого и пятого... Если говорить о последнем, то это, по сути, ужасная земля с очень низкой урожайностью. Если водяное колесо не может ее оросить, приходится полагаться на рабочую силу, а это особенно утомительно.

Ли Дали взял на себя ответственность быть капитаном только в последние два года. В принципе, он изменил многие неразумные сельскохозяйственные порядки, но... Хэ Сунбай никогда не приходил к нему и не жаловался, поэтому капитан не заботился об этом.

Вся производственная команда насчитывала не менее 100 человек, откуда у Ли Дали столько свободного времени, чтобы корректировать их жизнь по очереди? Было бы лучше, если бы к нему никто не приходил!

Однако в данный момент Ли Дали, выслушав объяснения юноши, устыдился собственной небрежности. Он потупился и сказал:

— Это... Тогда я поменяю его для тебя. Место пятого класса действительно не очень хорошее. Место пятого класса...

Земля пятого класса в деревне – это почти невозделанная пустошь. Все спешат работать на полях первого и второго классов, но поля третьего и четвертого классов все еще свободны.

— Не обращай внимания на этот участок земли. Когда откроется рисовое поле на горе, никому не придется так тяжело работать. Каждый будет стараться засеять хорошее рисовое поле, — произнес Ли Дали.

Хэ Сунбай почувствовал дрожь во всем теле. Он не мог поверить в услышанное! В этот момент все его тело словно налилось силой, и он почувствовал приятное тепло! Его решимость разгорелась, и он искренне поблагодарил Ли Дали:

— Спасибо!

Парень вспомнил слова Чжао Ланьсян и, закончив обзор, планировал прийти к капитану, чтобы сказать то, что он всегда хотел сказать, но не мог. Хэ Сунбай хотел попробовать, просто

попробовать. Скорее всего, ничего не получилось бы, но что если бы капитан согласился все изменить?

Хэ Сунбай, получивший утвердительный ответ, словно воспарил в небо с радостным трепещущим чувством, что все по-настоящему!

Ли Дали ответил:

— Возвращайся и работай усердно.

— Хорошо.

Хэ Сунбай вернулся домой очень, очень счастливым.

Покончив с обедом, Чжао Ланьсян услышала движение снаружи, выглянула в окно и увидела, что человек, который отказывался возвращаться, наконец-то пришел домой. Она тихо помахала ему рукой из окна. Ее белое ослепительное запястье энергично покачивалось, поэтому его трудно было не заметить. Хэ Сунбай осторожно подошел ближе.

Чжао Ланьсян посмотрела на его одежду, которая почти высохла, и резко произнесла:

— Снимай одежду, я тебе ее залатаю.

Уши парня быстро стали подозрительно красными.

Одежда, в которую он сегодня одет, была порвана, она, должно быть, это увидела!

Единственную приличную одежду Хэ Сунбая списали в утиль в тот день, когда он пошел на черный рынок. Сегодня, когда он отправился на совещание, то намеренно надел «вполне приличную» одежду. Хотя подмышки этой одежды были порваны, люди могли увидеть это, только если он высоко поднимал руки. Должно быть, девушка обнаружила это, когда стирала его одежду.

Чжао Ланьсян толкала и пихала его, призывая:

— Поторопись, я твоя девушка, почему мне нельзя зашить твою одежду? Если ты не отдашь ее в ближайшее время, я сама ее заберу.

Парень, услышав эти слова, вдруг почувствовал, что у него ком встал в горле, когда он хотел отказаться. Хэ Сунбай опустил взгляд и смущенно произнес:

— Ты... подожди.

После этого Хэ Сунбай вошел в свою комнату и запер дверь. В течение дня его настроение то поднималось, то падало, поэтому он был сильно измотан. Парень лежал в постели, и внезапный прилив усталости навалился на него, навевая сонливость.

Одежда?

Невозможно позволить Чжао Ланьсян зашивать ему одежду. Только жена делает такое для своего мужа. Они не женаты, поэтому лучше держаться на расстоянии! Он действительно боялся ее страсти, способной поджечь человека, ее сладкого запаха, ее напористости, после которой он смог впервые почувствовать мягкость и вкус женщины. Это чувство было подобно яду. Он не мог избавиться от него после того, как уже попробовал, ведь он нормальный мужчина, в конце концов!

Итак... Хэ Сунбай, такой смелый и агрессивный парень, решил просто вздремнуть.

Когда он проснулся, то обнаружил в двери своей комнаты тонкую щель, через которую лился ослепительный солнечный свет.

Он потер затекшую шею и подумал, что увидел иллюзию. В ярком, ослепительном солнечном свете красивая женщина сидела перед окном и вдевала нитку в иглоу. Она опустила голову и сосредоточила взгляд на пыльной тряпке. Тонкие пальцы рук, казалось, сияли в солнечном свете, настолько ослепительно белые, что даже тряпки, которые они держали в руках, радовали глаз.

Жесткую и толстую домотканую ткань проткнула игла; ее снова и снова плотными стежками прошивала внимательная Чжао Ланьсян.

Хэ Сунбай снова потер глаза, и его дыхание стало немного тяжелым.

У девушки, сидящей у окна, были довольно чуткие уши. Она вдруг повернула голову, и их взгляды встретились.

Чжао Ланьсян сердито сказала:

— Ну вот, теперь ты стал таким смелым. Я просила тебя отдать одежду и позволить мне ее зашить, а ты что сделал? Просто заснул!

У Хэ Сунбая заныл висок, он спросил хрипло, немного нервно:

— Ты... зачем ты здесь?

Чжао Ланьсян бросила тряпку на кровать. Ее тонкие брови немного сердито поднялись, и она ответила:

— Конечно, чтобы зашить твою одежду и позаботиться о тебе. Меня беспокоит, что на тебе рваная одежда и ты не в порядке, но что насчет тебя... Хорошо, я знаю. Ты пытался избегать меня. Если бы я не сказала, что в прошлый раз приходила старшая сестра, ты бы притворился спящим и не открыл дверь!

Обычно тихий ровный голос девушки стал громче, чем когда-либо, и будто пронзил его сердце. Хэ Сунбай кашлянул и сказал:

— Нет, но я... я думаю, что все же стоит обратить внимание на последствия, иначе...

Не успел он договорить, как его рот накрыли мягкие губы девушки.

<http://tl.rulate.ru/book/46619/1833476>